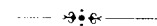

115,993^a

ОТНОШЕНІЯ ИСКУССТВА

къ

наукъ и нравственности.

ДИССЕРТАЦІЯ

на степень

МАГИСТРА ФИЛОСОФІИ

Евгенія Боброва.

Оппоненты :

Лекторъ Я. Лаутенбахъ. — Проф. В. Мальмбергъ. — Проф. Я. Озе.

Юрьевъ.

Печатня К. Матисена.

1895.

Положенія.

1. Опреѣленіе сущности прекраснаго составляетъ часть метафизической задачи о взаимодействіи монадъ.
2. Наука о прекрасномъ (калологія) распадается на двѣ части: поэтику и эстетику.
3. Мышленіе состоитъ въ соотнесеніи двухъ, или нѣсколькихъ соотносительныхъ точекъ съ одной точки зрѣнія въ соотносительное единство.
4. Выборъ является общимъ типическимъ признакомъ внутренняго момента въ научной, художественной и нравственной дѣятельности.
5. Проблема кантовой „критики чистаго разума“ формулирована еще Локкомъ.
6. Платонсва *ἀνδραγαθία* возрождается въ новой философіи въ видѣ т. наз. апіорисма.
7. Исторія понятій есть наивысшая задача научной разработки исторіи философіи.
8. Желательно учрежденіе при университетахъ особыхъ кафедръ педагогики.
9. Въ позднѣйшіе періоды греческаго искусства изображенія божествъ, помимо традиціонныхъ примѣтъ, выказываютъ еще индивидуальныя различія пониманія типовъ со стороны художниковъ.

Печатано съ разрѣшенія Историко-филологическаго факультета
Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ, 18-го марта 1895 г.

№ 13.

Деканъ: Я. Озе.
(онъ же референтъ.)

D 127971

Посвящается

родителямъ.

Оглавление.

Предисловіе.

Глава I.

Метафизика и эстетика.

	Стр.
Анализъ прекраснаго	3
Психологическая проблема	4
Критицизмъ и персонализмъ въ калогіи	5
Два момента	5
Художникъ, произведеніе, искусство, природа	7
Дѣленіе	8
Методы	8
Задачи поэтики	9
Искусство и наука	10
Искусство и нравственность	10
Общественное и культурно-историческое значеніе искусства	10
Метафизика и эстетика	11

Глава II.

Искусство и наука.

Общая черта	12
Постановка вопроса	13
Искусство и наука, какъ акты, какъ возможность, и какъ живая сила	13
Наука — продуктъ разума	14
Координація душевныхъ актовъ	15
Истина, какъ реальная координація	16
Вопросъ о психическомъ мѣстѣ искусства	16
Метода	17
Чувство — сопроводительный элементъ искусства	17
Различіе координующихся чувствованій	19
Искусство и ремесло	20
Отвѣтъ идеалистовъ. — Гегель	21
Фантазія въ системахъ эстетики	25
Гегель	26
Лоцце	28

	Стр.
Фишеръ	30
Эстетика Тейхмюллера	33
Искусство, какъ движеніе, и какъ видъ познанія	35
Источники недоразумѣнія:	
1) образъ, какъ и мысль, есть идейный элементъ	40
2) И мысль, и образъ представляютъ единство	42
Новая формулировка вопроса изслѣдованія	43
Есть различіе и въ матеріалѣ	43
Характеръ мышленія	44
Наука и мышленіе	46
Образъ, какъ единство	47
Теорія образа	50
Возникновеніе образовъ	51
Образъ непосредственнаго созерцанія	52
Образъ воспоминанія. — Репродукція	54
Инновация въ мышленіи и искусствѣ	55
Участіе фантазіи при мышленіи	56
Теорія «вопроса»	56
Выборъ въ мышленіи и въ искусствѣ	60
Воображеніе	62
Воображеніе и фантазія. — Попытка разрѣшенія	63
Свободное искусство и дѣйствительность	66
Выборъ	68
Что составляетъ художника?	69
Фантазія не есть мышленіе	71

Глава III.

Искусство и нравственность.

Партійное рѣшеніе вопроса:	
а) искусство для нравственности	73
б) «искусство для искусства»	74
Общая черта и различіе искусства и нравственности	75
Нравственность	75
Выборъ этический	78
Два момента въ искусствѣ	78
Выборъ эстетическій	79

Настоящее изслѣдованіе исходитъ изъ посылокъ и точки зрѣнія Тейхмюллера. Мнѣнія, послужившія мнѣ отправными точками, приведены или дословно (въ переводѣ), или въ близкомъ изложеніи.

Самъ Тейхмюллеръ не выработалъ эстетики. Книга представляетъ построеніе одного отдѣла философской эстетики въ духѣ системы персонализма.

Изслѣдованіе распадается на три главы, одну общую и двѣ спеціальныя. Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію спеціальныхъ задачъ, нужно установить почву, на какой разысканіе будетъ ведено. Нельзя рѣшать никакихъ вопросовъ изъ области эстетики, не опредѣливъ, хотя бы вкратцѣ, своего общаго взгляда на содержаніе, задачи и методы этой науки. Такому требованію отвѣчаетъ первая глава „Метафизика и эстетика“, въ которой я намѣчаю въ общихъ чертахъ отношеніе между указанными науками и дѣленіе самой эстетики на два большіе отдѣла. Выдѣливъ изъ эстетики „поэтику“, я опредѣляю ея основныя проблемы, между которыми оказываются отношенія „искусства и науки“ и „искусства и нравственности“. Попытками разрѣшенія двухъ поименованныхъ задачъ являются главы II и III. Такова общая схема моей книги, являющейся сокращеннымъ и переработаннымъ изданіемъ моего сочиненія „О понятіи искусства“.

ГЛАВА I.

Метафизика и эстетика.

Эстетика ¹⁾, какъ философская, систематическая, обособленная наука, — дочь новаго времени. „Какъ философское наблюденіе природы не предшествуетъ, а послѣдуетъ дѣйствительно даннымъ явленіямъ, такъ и философія прекраснаго и искусства появляются только послѣ того, какъ ей предшествовали тысячелѣтнее упражненіе въ искусствѣ и воспріятіе природы.“ ²⁾ Положимъ, еще и древніе греческіе мудрецы, какъ Платонъ, Плотинъ, и особенно, Аристотель высказали множество цѣнныхъ и мѣткихъ общихъ мнѣній, относящихся къ эстетикѣ. Три указанные мыслителя, правда, по мнѣнію историка, даже намѣтили каждый свое особенное направленіе, и эти три главныя направленія съ тѣхъ поръ постоянно повторяются въ эстетикѣ ³⁾. Но эти взгляды на прекрасное высказывались отрывочно, къ слову. Древность греческая такъ и не дала систематичной философіи

1) Сущности предмета болѣе соотвѣтствовало бы наименованіе „калологія“. Этотъ мѣткій, хотя и не общепотребительный терминъ появляется впервые, повидимому, у Steckling, Kalologie oder die Lehre vom Schönen. Leipzig 1835.

2) Zimmermann, Aesthetik, I. (Gesch. der Aesth.), стр. 3.

3) Ibidem, стр. 147. Платонъ де колебался между опредѣленіемъ красоты формою или содержаніемъ, Аристотель, „классикъ“, твердо держался формы, Плотинъ, „романтикъ“ древности, опредѣляетъ красоту проявленіемъ божественнаго содержанія и ея происхожденіемъ отъ высшаго Первоисточника. Последняго направленія, повидимому, держатся всѣ эстетики, стоящіе на религіозной почвѣ въ вопросѣ о происхожденіи и сущности прекраснаго.

искусства и прекрасного. Платоновъ „Пиръ“, аристотелева „Поэтика“, да нѣсколько главъ въ „Эннеадахъ“ Плотина, конечно, нейдутъ въ счетъ. Самое большее, что можно сдѣлать, это — изъ разбросанныхъ частныхъ попытокъ возсоздать такую философію въ духѣ общихъ принциповъ названныхъ мудрецовъ. Одна изъ наиболѣе удачныхъ попытокъ этого рода сдѣлана Тейхмюллеромъ¹⁾. Какъ особая дисциплина, носящая и собственное имя, эстетика появляется довольно поздно — въ новой исторіи, въ XVIII вѣкѣ. Нарожденіе нашей науки относится ко времени созданія большихъ философскихъ системъ. Она изошла изъ нѣдръ лейбницево-вольфовской школы. Отцомъ ея былъ вольфовецъ А. Г. Баумгартенъ (1714—1762), проф. философіи при университетѣ въ Франкфуртѣ на Одерѣ. Въ 1750 г. вышелъ въ свѣтъ I томъ его эстетики²⁾. Терминъ, какъ и нѣкоторые другіе изъ нынѣ употребительныхъ въ философіи, созданъ самимъ Баумгартеномъ. § 1 (prolegomena) гласитъ: *Aesthetica (theoria liberalium artium, gnoseologia inferior, ars pulcre cogitandi, ars analogi rationalis) est scientia cognitionis sensitivae*. Новорожденная наука является теоріею темнаго разума, низшей способности *identitates et diversitates rerum cognoscendi*, младшею сестрой логики³⁾. Эстетика Баумгартена всецѣло — въ путяхъ интеллектуализма⁴⁾.

Германцы ревностно взялись за эстетику и расширяли ее, какъ со стороны принципиальной, такъ и на практической почвѣ изученія памятниковъ искусства. Англія тоже

1) *Aristotelische Forschungen*, II. *Aristoteles' Philosophie der Kunst*; къ слову сказать, это — одно изъ наиболѣе закругленныхъ и обработанныхъ сочиненій означеннаго мыслителя, начавшаго философское поприще съ изученія эстетики.

2) *Aesthetica scripsit A. G. Baumgarten. Traiecti cis Viadrum MDCCCL и Aestheticorum pars altera — Francofurti MDCCCLVIII*.

3) Ср. *Zimmermann*, I, 167. Впрочемъ еще и самъ Вольфъ замѣчаетъ (въ 1740 г.): *Ipsarum quoque artium liberalium conditio potest philosophia, si nempe eadem ad formam scientiae redigantur*. (§ 72 — *Discursus prael., Logica*.)

4) См. *Lotze, Gesch. der Aesth.*, стр. 12.

дала рядъ своихъ эстетиковъ, обратившихся, преимущественно, къ анализу психологическому, и оставившихъ безъ вниманія, сообразно характеру англійской философіи, вообще, проблемы метафизическія. Еще въ XVIII в. эстетика разрослась въ богатую числомъ сочиненій и изслѣдованій философскую дисциплину. Она разрабатывалась съ тѣхъ поръ, какъ философами-специалистами, такъ и чуждыми любознательности лицами, конечно, въ общемъ примыкавшими къ тому или другому метафизическому направленію. Гегель и его школа (Вейссе, Фиперъ) возвысили эстетику до сана одной изъ важнѣйшихъ философскихъ наукъ.

На задачи, методы, предметъ научной эстетики, и на положеніе ея въ ряду другихъ наукъ, особенно же, на ея отношенія къ метафизикѣ господствуетъ довольно большое разнообразіе въ воззрѣніяхъ. Что же составляетъ предметъ эстетики? Отвѣтовъ много. Большинство опредѣленій, однако, согласуются въ томъ, что эстетика занимается прекраснымъ, и всеми координатами его, какъ напр., безобразнымъ; вѣдь „все противоположности требуютъ другъ друга, и одной нельзя мыслить безъ другой: ни одной вещи нельзя опредѣлить по себѣ, но только въ соотношеніи съ другою“¹⁾.

Когда мы употребляемъ это наимено- Анализъ прекраснаго ваніе „прекраснаго“? Прекрасными назы- съ различныхъ ваются и вещи, мы и сами испытываемъ гносеологическихъ точекъ зрѣнія. прекрасное. Самымъ простымъ предварительнымъ описаніемъ будетъ: въ насъ рождается специфическое чувство прекраснаго при воздѣйствіи на насъ чрезъ внѣшнія чувства нѣкоторыхъ предметовъ. Безъ воздѣйствія нѣтъ и ощущенія (сторона движенія) и координующагося съ нимъ специфическаго чувствованія. Съ точки зрѣнія наивной человѣкъ предполагаетъ существованіе прекрас-

1) Тейхмюллеръ, „Дарвинизмъ и философія“ — переводъ подъ ред. Е. А. Боброва, стр. 83.

ныхъ предметовъ независимо отъ наличности воспринимающей и чувствующей души, какъ полагаетъ и вообще существование внѣшней природы независимо отъ бытія субъекта. При болѣе критическомъ разсмотрѣніи непремѣнно окажется, что для меня существуетъ внѣшній міръ лишь постольку, поскольку я воспринимаю его (*esse rerum est percipi*); не взирая на бытіе прекрасныхъ предметовъ, — прекрасное для меня существуетъ лишь постольку, поскольку я его ощущаю и соотвѣтственно чувствую. Ясно, что для производства прекраснаго равно необходима, какъ воздѣйствующая вещь, такъ и воспринимающій субъектъ, безъ котораго не будетъ и чувства прекраснаго. Стало быть, вопросъ о происхожденіи прекраснаго кроется въ общей гносеологической проблемѣ воздѣйствія на субъектъ внѣшняго міра. Прекрасное вызывается особаго рода на насъ воздѣйствіемъ вещей, есть особенное воздѣйствіе, сопровождаемое специфическимъ отголоскомъ въ нашемъ „я“. Это воздѣйствіе совершается чрезъ ощущение. Отсюда самое имя эстетики (*aἰσθησις* — ощущение), какъ науки о специфическомъ ощущеніи, связанномъ съ особымъ чувствомъ прекраснаго.

Психологическая проблема. Въ силу этого эстетика или калологія сразу сводится на психологію: она является однимъ изъ видовъ прикладной психологіи. Ощущеніе есть первичный душевный элементъ и подлежитъ разсмотрѣнію науки о душѣ; сопровождающее его, или вызываемое имъ чувство — тоже неразрѣшимый специфическій душевный элементъ и падаетъ на долю психологіи. Слѣдовательно, опредѣленіе и изученіе прекраснаго внутри насъ есть психологическая проблема, или вѣрнѣе — рядъ таковыхъ. Первою задачею философской эстетики является изученіе специфическихъ душевныхъ элементовъ — ощущенія и координованнаго съ нимъ чувства прекраснаго. Воздѣйствующія вещи бываютъ разнообразны и внутренне различны, но заключаютъ въ себѣ нѣчто общее — способность про-

буждать въ субъектѣ прекрасное, и дѣйствуютъ однимъ общимъ (хотя и единственно возможнымъ) путемъ сообщенія субъекта съ внѣшнимъ міромъ — черезъ ощущение.

Ставши на почву строго критическаго раз- Критицизмъ и
смотрѣнія міра, мы убѣдимся, что весь внѣш- персонализмъ
ній міръ, а слѣдовательно, и прекрасный пред- въ калологіи.
метъ, есть не болѣе, какъ проекція, т. е. нами самими
произведенное вынесеніе наружу и субстанціированіе своего
собственнаго душевнаго содержанія, способностей и психи-
ческихъ элементовъ: представленій, впечатлѣній и пр., даже
понятій и иныхъ логическихъ формъ. Мы проектируемъ и
свое состояніе прекраснаго. Этимъ объясняется еще и понинѣ
очень сильное идеалистично-проективистическое ученіе о пре-
красномъ, какъ объ особой идеѣ (что, собственно, есть внѣ
субъекта имъ самымъ гипостасированное свое же общее по-
нятіе, соотносительное основаніе коего — вызываніе чувства
прекраснаго). Отдѣльные предметы становятся де прекрас-
ными только въ силу своей причастности этой всеобщей
идеѣ¹⁾. Отдѣлавшись же отъ таковой проекціи, и разма-
тривая вопросъ съ точки зрѣнія критицизма, должно при-
знать, что для прекраснаго не только требуется восприни-
мающій субъектъ, но что прекраснаго и вообще нѣтъ внѣ
насъ, и наша душа есть единственное субстанціальное мѣсто
пребыванія его, какъ функции; слѣдовательно, прекрасное
мы должны искать и изучать въ себѣ, въ своемъ духѣ.

Но критицизма не должно представлять себѣ въ видѣ
пожирающаго все „не я“ „эгоисма“. Крайностью было бы

1) Циммерманъ отмѣчаетъ (стр. 6) противоположность двухъ направлений, тянущуюся якобы черезъ всю исторію науки о прекрасномъ: однихъ де можно назвать субъективными, другихъ объективными эстетиками; одни разсматриваютъ прекрасное психологически, другіе — метафизически; первые — обыкновенно эмпирики и выводятъ прекрасное изъ чувства, другіе — умозрительные мыслители и выводятъ его изъ идеи. Контрастъ, указанный Циммерманомъ, не охватываетъ всѣхъ оттѣнковъ пониманія прекраснаго и возможныхъ точекъ зрѣнія, ибо лишентъ правильной гносеологической подкладки.

доводить критицизмъ до его послѣднихъ выводовъ (субъективнаго идеализма): а именно, будто бы внѣ нашего „я“ съ его дѣятельностями и содержаніемъ таковыхъ — нѣтъ болѣе ничего, никакого внѣшняго міра или иныхъ субстанцій (кромѣ Бога).

Истинной метафизикѣ вѣдомъ одинъ широкій и торный путь познанія міра — по аналогіи. Становя основною своею исходною точкой — самопознаніе, и примѣняя по аналогіи добытые здѣсь факты, она возвращаетъ себѣ разрушенный было критицизмомъ внѣшній міръ и построяетъ знаніе о немъ.

Метафизика пользуется результатами критицизма, признаетъ заслуги его, но не должна оставаться при его робости. Философъ, смѣло грядущій къ познанію изъ себя міра, видитъ въ послѣднемъ за своими предѣлами не однѣ только невѣдомыя, темныя и слѣпыя вещи по себѣ, а совокупность качественно подобныхъ себѣ субстанцій, объединенныхъ въ стройную систему, куда и его „я“ входитъ, какъ скромная часть, содѣйствующій агентъ или факторъ. Это направленіе философіи, считающее міръ за систему живыхъ субстанцій, подобосущихъ намъ, есть персонализмъ. Субстанціи образуютъ систему, или стоятъ другъ къ другу въ соотношеніи: это значитъ, что субстанціи находятся въ постоянномъ или безвременномъ воздѣйствіи другъ на друга. Все, что бываетъ въ мірѣ, или случается, происходитъ между субстанціями, сводится въ сущности къ взаимовозвратному общенію субстанцій между собою въ воздѣйствіи и испытываніи. Прекрасное происходитъ при такомъ воздѣйствіи, есть одинъ изъ частныхъ видовъ его¹⁾. Опредѣленіе сущности прекраснаго въ мірѣ состав-

ляетъ часть метафизической задачи о взаимодействіи монадъ.

Одна монада или субстанція дѣйствуетъ. Два момента. нѣкоторымъ образомъ на другую и въ послѣдней производитъ ощущеніе, координированное съ чувствомъ прекраснаго. Такъ отысканъ утерянный было въ критицизмѣ объектъ, т. е. вещь. Опять для наличности прекраснаго требуется и воздѣйствующая вещь, т. е. собственно, подобосущій намъ субъектъ, и ощущающій субъектъ, мы сами. И воздѣйствіе наружу (трансубъективно), и внутреннее ощущеніе одинаково суть проявленія одной и той же основной силы — движенія. Своимъ движеніемъ одна монада пробуждаетъ въ другой прекрасное, а эта послѣдняя движеніемъ же испытываетъ его. Первая творитъ, вторая наслаждается. Слѣдовательно, съ общей метафизической точки зрѣнія процессъ происхожденія и осуществленія прекраснаго распадается на два момента: творчество и наслажденіе, изъ коихъ первое служитъ порождающею причиною наслажденія, послѣднее же будетъ порождаемымъ слѣдствіемъ творчества.

Необходимо провести одно важное различіе. Во первыхъ, пробуждающій чувство прекраснаго предметъ можетъ настраивать перцепирующаго субъекта непосредственнымъ воздѣйствіемъ своей творческой нутри. Во второмъ случаѣ, для воспроизведенія прекраснаго могутъ быть нужны творцу нѣкоторые инструменты, т. е. посредствующія субстанціи (какъ напр., въ музыкѣ). Въ третьихъ, прямыми возбудителями въ насъ красоты являются именно сіи посредствующіе члены, а самый творецъ или творческая монада отступаетъ на задній планъ и, пожалуй, самъ собою непосредственно ощущенія прекраснаго производитъ не можетъ. Такія монады (или совокупность оныхъ), кои вызываютъ чувство прекраснаго не сами собою, не изъ себя, а только будучи подвергнуты преобразовательному воздѣйствію чужой руки во исполненіе сокровенныхъ

1) Cp. Séailles, Essai sur le génie, Intr., VIII. Si nous le (le génie) comprenons, c'est qu'il a quelque chose de commun avec nous; s'il nous charme, c'est que ses créations répondent aux lois de notre esprit.